

Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ (Глазов)

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ВОЛЖСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Отсутствие морфологического единства в выражении значения множественного числа представляет собой одну из специфических особенностей грамматической структуры волжского говора. Так, значение множественного числа в волжском говоре выражается при помощи специальных языковых средств, присоединяющихся к основе слова: *-ša-māč*, *-la*, *-māt*, *-št* (*ü-dāršamāč* 'девушки, дочери', *ä-mūāšamāč* 'лошади', *ku_uru_ukla-šte* 'в горах', *βe-ŋāmāt* 'зять и все те, кто с ним', *šo-rākmāt* 'овцы', *e-ryāšt* 'их сыновья'), причем в их употреблении отмечаются жанровые и территориальные особенности. Рассмотрим отдельно каждый из показателей множественного числа.

Наиболее употребителен из них, несомненно, встречающийся на основной территории волжского говора и во всех стилях речи суффикс *-ša-māč*. Он употребляется при обозначении множества однородных и одноименных предметов, представляемого как простая их сумма, например, *ora-de ka-jākšamāč kuku-m βara-kšlan šotla-t* 'глупые птицы кукушку за ястреба принимают', *ayu-lāš salda-kšamāč tole-βe* 'в деревню пришли солдаты'.

Суффикс *-la*, как и в марийском литературном языке, в волжском говоре повсеместно употребляется большей частью с существительными пространственного значения и тоже выражает множество однородных предметов: *koremla-šte lu_um šu_ule-n pāte-n* 'в оврагах снег растаял', *nu_u-nu_um ayulla-ške po_ua-tkām āšta-š kolde-βe* 'их послали в деревни наводить порядок', *ka-nāme βe-rām ku_uru_ukla-š āšte-nāt* 'место для отдыха устроили в горах'. В приведенных предложениях существительные с суффиксом *-la* оформлены формативами местного, направительного и обстоятельственного падежей. Однако засвидетельствованы примеры, в которых *-la*, хотя и сравнительно редко, употребляется с формами именительного и винительного падежей, например, *ti-šte βonderla-m rua-t* 'здесь рубят кустарники', *ti-de čodra-šte βāñemla- šu_u-ko u_u-lo* 'в этом лесу много глубоких ям', *okna-šte βišla- li-jān* 'на окне образовались щели'.

Существительные с суффиксом *-la* в родительном и дательном падежах в волжском говоре вообще не употребляются, так как, во-первых, неудобнопроизносимо возможное сочетание *-lalan* в дательном падеже; во-вторых, существительные с показателем множественного числа *-la*

в родительном падеже совпали бы с омонимичными формами прилагательного (*ku₁ru₁kla-n βerla-šte* 'в гористых местностях') и существительного в дательном падеже (*ku₁ru₁kla-n* 'горе').

В говорах деревень, пограничных с Татарской АССР (Больше-Паратский, Петъяльский, Сотнурский сельсоветы), суффикс *-la* употребляется чаще и шире, в том числе и с существительными непространственного значения, например: *mā-jān kâ-dâse d'âžâŋla-m lula-m košta-* 'у меня болят суставы, кости рук', *âško-l nõsmâla-m u₁žala-* 'школа продает семена'. Это, по-видимому, обусловлено влиянием татарского языка, в котором суффиксом множественного числа выступает *-lar, -lär*.

Суффикс *-mât*, выражающий множественность неоднородных лиц, имеет собирательно-сопроводительное значение, это сближает его со словообразовательными суффиксами.¹ На основной территории волжского говора *-mât*, как и в литературном языке, употребляется лишь с существительными, обозначающими членов семьи, родственников, и с собственными именами людей, например: *eču-kmât βüde-š pu₁ra-š kajâšte-p* 'Эчук и все те, кто сопровождает его, ушли купаться', *čüčü-mât ola-šte ila-t* 'семья моего дяди живет в городе'.

В говорах деревень Кокшамары и Сидельниково и прилегающих к ним суффикс *-mât* употребляется со всеми существительными, выражая при этом множество, состоящее из двух или более однородных предметов и лиц, например: *â-mûmât čat kuda-lât* 'лошади бегут быстро', *kñiya-mât sumga-šte kija-t* 'книги лежат в сумке', *ŋ-dŋrmŋt nu₁ru₁š ku₁ryu₁že-βe* 'девушки побежали в поле', *šo-râkmâtâm a-re* 'окружи овец'. Кроме того, на этой территории *-mât* сохраняет собирательно-сопроводительное значение, например: *aka-mât paša-š kaje-βe* 'старшая сестра и все те, кто с ней, ушли на работу'.

Формы собирательной множественности, образованные от существительных, обозначающих термины родства и собственные имена людей, специфичны не только для марийского языка. Подобное явление наблюдается также в других финно-угорских языках и в большинстве тюркских языков.² Но в отличие от марийского языка, в котором формы собирательной множественности в основном образуются при помощи специфического суффикса *-mât*, в других языках эти формы выражаются при помощи тотальных показателей множественного числа, употребляемых для выражения множественности как однородных предметов, так и неоднородных. По мнению Э. Беке, в языке коми, мари и удмуртов выражение групповой множественности возникло под влиянием языков тюркской семьи.³

¹ Строго говоря, все суффиксы множественного числа являются суффиксами словообразовательного порядка, ибо они присоединяются непосредственно к основе существительного и образуется новая основа множественного числа, при изменении имени окончания присоединяются к нему после суффикса множественного числа, который остается на своем месте непосредственно за основой единственного числа. Ср. также: «Различие единственного и множественного числа существительного обусловлено различием предметов действительности и мысли, но не обусловлено никакими отношениями в предложении и словосочетании». (П. С. Кузнецов, О принципах изучения грамматики, Москва 1961, стр. 45).

² Современный коми язык, Сыктывкар 1955, стр. 135; Б. А. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, Москва 1963, стр. 88—89; Грамматика современного удмуртского языка, Ижевск 1962, стр. 76; Р. С. Газизов, Сопоставительная грамматика татарского и русского языков. Казань 1966, стр. 50.

³ Э. Беке, *Neuere finnisch-ugrische morphologische Untersuchungen*. — ALHung. IV 1954, стр. 99.

Преимущественно в произведениях устного народного творчества для выражения множественного числа употребляется суффикс *-št*, по своему происхождению притяжательный суффикс 3-го лица множественного числа. В одних случаях значения множественности и притяжательности объединены и сосуществуют, например: *iza-št to-žo pala-t* 'их старшие братья тоже знают', *ko-mbāst šo-rākām pu štāt* 'их гуси убивают овцу'. В других же случаях притяжательность совершенно не ощущается, формы воспринимаются говорящими как формы лишь множественного числа (суффикс *-(ə)št* в них можно легко заменить суффиксами *-ša-māč*, *-māt*): *ondo-n βa-tāšt paša-m ēštāšte-βe* 'Антониха и все те, кто с ней, работали'. Затемнению семантики притяжательного суффикса и связанному с ним усилению значения множественного числа однородных и неоднородных предметов, по-видимому, способствовало «аномальное» употребление притяжательного суффикса 3-го лица множественного числа *-(ə)št* вместо притяжательного суффикса 3-го лица единственного числа *-že*.

Употребление числовых форм, как известно, регулируется в значительной мере семантикой слова. При этом определяющей служит главным образом степень конкретности или, наоборот, отвлеченности выражаемого понятия. Если существительное имеет конкретное предметное значение, то возможны его формы и единственного и множественного числа (такие существительные можно назвать считаемыми именами). Если же существительное выражает абстрактное понятие, то оно имеет только форму единственного числа (несчитаемые имена). Несчитаемые имена в отличие от считаемых обычно не сочетаются с количественными числительными и словами обобщенно-собирательной семантики, принадлежащими различным частям речи (*šu-ko* 'много', *ikmāna-r* 'несколько', *tūška* 'группа' и др.). Строго говоря, форма единственного числа таких имен обозначает не единственное число, а их нейтральность в отношении числа (*pia-l* 'счастье', *kua-n* 'радость', *kua-t* 'сила, мощь', *tūnemta-š* 'учеба', *u-š* 'ум' и др.).

Это, однако, не означает, что все без исключения имена с конкретной семантикой образуют формы множественного числа. Как и в других языках, в волжском говоре имеются конкретные существительные, формы множественного числа которых невозможны. Прежде всего это имена, обозначающие единичные предметы и явления природы (*ke-če* 'солнце', *tā-lce* 'луна', *kū-dārčō* 'гром', *kaβa* 'небо', *sajre-m* 'целина'), обозначающие парные предметы (*kāt* 'руки, рука', *šokš* 'рукава, рукав'), антропнимы, топонимы и др.

Промежуточное положение между существительными с конкретным и абстрактным значением занимают существительные с вещественной и собирательной семантикой. В абсолютном большинстве случаев они, обозначая совокупность сплошной неисчисляемой массы однородных предметов, имеют форму только единственного числа. Однако, когда в речевой ситуации возникает необходимость указать на обилие того или иного вида или сорта и на количественную (штучную) или пространственную выделяемость вещества или материала, от них можно образовывать и формы множественного числа. Такое употребление множественности наблюдается преимущественно в профессиональной речи (*šūra-kš-šamāč* 'крупы, разные сорта круп', *ü-šamāč* 'масла, разные сорта масел', *ši-kššamāč* 'дым во многих местах' и др.). Имена с собирательным значением в сочетании с суффиксами множественного числа обозначают разные виды совокупностей предметов, например: *βu-rye-mšamāč* 'разные виды одежды', *ka-līkšamāč* 'народы'. Следует отметить, что в диалектной речи существительные вещественные и собирательные в фор-

мах множественного числа встречаются весьма редко. Однако они таят в себе потенциальную возможность образования форм множественного числа.

Имен существительных, употребляющихся лишь во множественном числе, в марийском языке нет.

Форма единственного числа существительного в зависимости от речевой ситуации в волжском говоре может употребляться не только для обозначения одного предмета, но в известных условиях и для обозначения обобщенной множественности однородных предметов, например: *šāŋša-le tūžβα-lne ku_∨da-lāštāt* 'ящерицы (букв.: ящерица) бегают на поверхности', *ji-šāže tolaša-š tūŋa-lāt* 'члены семьи (букв.: семья) заболели', *ka-lāk sūβα-lāt kān, te-ŋāzām tema-t* 'если народ плюнет (букв.: плюнут), то наполнит (букв.: наполнят) море', *kajākk-mbo šā-žām kū-šāčān čonešta-t* 'дикие гуси (букв.: дикий гусь) осенью высоко летают'. Нетрудно заметить, что у существительных со значением множественности, имеющих сходную форму с единственным числом, на множественное число указывают глаголы-сказуемые при этих существительных. Впрочем, согласование сказуемого во множественном числе со словами, имеющими собирательное значение, отмечено и в других языках.

В сочетаниях слов с количественным значением и числительных с существительными последние в волжском говоре в большинстве случаев употребляются в форме единственного числа. Тем не менее нередко случаи употребления существительных в форме множественного числа, например: *latko-k salda-kšamāč* 'двенадцать солдат'. Такое факультативное оформление суффиксом множественного числа восходит к сравнительно позднему времени и может быть объяснено влиянием других языков, в частности русского языка.

Среди показателей множественности в финно-угорских языках марийские суффиксы стоят особняком. По поводу развития категории множественного числа и происхождения этих суффиксов высказаны различные точки зрения, однако генезис некоторых из них остается до конца невыясненным. Так, уже И. Буденц мар. *-ša-māč* связывал с чув. *-sam, -sem*.⁴

Э. Беке и вслед за ним Н. Т. Пенгитов и И. С. Галкин усматривают в показателе *-ša-māč* двойное обозначение множественного числа — чув. *sam*, закономерно перешедшее на марийской почве в *šam*, плюс финно-угорский показатель множественности *t* > мар. *č*.⁵ Однако как же древний финно-угорский суффикс множественности *t*, от которого в марийских именах не прослеживается ощутимых следов, мог использоваться с заимствованным *sem (sam)*, который сам по себе мог употребляться для выражения множественного числа?

Очевидно, все эти причины и другие основания побудили Ф. И. Гордеева пересмотреть уже устоявшуюся точку зрения. Есть основание, по его мнению, мар. *-ša-māč* выводить из доиранской частицы, выражавшей совместность, общность, которая выступала в арийское (индоиранское) время в виде **samat* или **sama*. Ф. И. Гордеев считает

⁴ J. Budenz, Erdei cseremiszség. — NyK III 1864, стр. 434; см. также Н. И. Ашмарин, Материалы для исследования чувашского языка, Казань 1898, стр. 150—151.

⁵ Ö. Beke, Cseremisiz nyelvtan, Budapest 1911, стр. 132; Н. Т. Пенгитов, Формы числа имен и особенности их употребления в марийском языке. — Труды МарНИИ, вып. X, Йошкар-Ола 1957, стр. 89; И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология I, Йошкар-Ола 1964, стр. 65.

вполне возможным, что данная доиранская частица восходит к самостоятельному слову, которое сохранилось в реликтовом виде, например, в курдском языке — *simaet* 'общество, община', в языке хинди — *samadž* 'общество, общественная организация', в шугнанском — *jamat* 'семья, семейство'.⁶

Действительно, развитие **samāt* до *ša-māč* не противоречит основной линии развития звуков в марийском языке. Эта гипотеза вполне убедительна. Примеры подобной грамматической абстракции дают также коми и удмуртский языки, в которых, согласно воззрениям И. Буденца и Т. Уотилы, суффиксы множественного числа (коми *-jus* и удм. *-jos*) восходят к самостоятельному слову *jōz* 'люди, народ, публика'.⁷ Процесс переосмысления заимствованного из русского языка *po-lko* 'множество, толпа, стая, рой' в более позднее время, по свидетельству Г. М. Тужарова, имел место в яранском говоре марийского языка (*pö-tärpoläk* 'Петр и те, кто входит в группу Петра').⁸ Во многих алтайских языках слова, обозначавшие 'народ, люди', развились в показатель множественного числа.

Вопрос о происхождении суффиксов *-la* и *-št* выяснен достаточно удовлетворительно.⁹ Вопрос же о генезисе показателя множественности *-māt* ученые решали по-разному. Так, суффикс *-māt* П. Равила считает возникшим в результате сращения различных по значению компонентов: основы местоимения 1-го лица *-mā* и притяжательного суффикса 2-го лица единственного числа *t* со значением детерминативности (указательности).¹⁰ Н. Т. Пенгитов и И. С. Галкин полагают, что суффикс *-māt* сложился из притяжательного суффикса 1-го лица единственного числа и *t*-ового финно-угорского показателя множественности.¹¹ Ф. И. Гордеев связывает *-māt* с формативом союзного падежа иранских языков: индоиран. *smat*, древнеинд. *smat*, авест. *mat*, восточноосет. *mā 'c'*.¹² Есть основание предполагать, что мар. *-māt* первоначально имел значение 'дом' и имеет генетическое родство с корнем коми, удм. *matin* 'близко, вблизи'.¹³ Э. Н. Сетяля мар. *-māt* связывал с ненец. *māt* 'палатка'.¹⁴

Следовательно, мар. *-māt* имеет соответствие в ряде уральских языков, и совпадение языковых явлений иранских и некоторых финно-угорских языков представляет собой, вероятно, чистую случайность. Грамматикализация самостоятельного слова, обозначавшего 'дом, па-

⁶ Ф. И. Гордеев, Из истории двух формантов в морфологии марийского языка. — Материалы научной сессии по итогам исследовательских работ МарНИИ за 1967, Йошкар-Ола 1968, стр. 7—8.

⁷ J. Budenz, Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana. Különnyomat a Nyelvtudományi Közleményekből, Budapest 1884—1894, стр. 302; T. E. Uotila, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen (= MSFOu LXV), Helsinki 1933, стр. 183.

⁸ Г. Тужаров, Яранский говор марийского языка (морфологическая характеристика). Автореферат канд. дисс., Тарту 1966, стр. 3—4.

⁹ Н. Т. Пенгитов, указ. раб., стр. 88—89; И. С. Галкин, указ. раб., стр. 69—70.

¹⁰ P. Ravila, Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. — FUF XXVII 1941, стр. 105.

¹¹ Н. Т. Пенгитов, указ. раб., стр. 89; И. С. Галкин, указ. раб., стр. 67—68.

¹² Ф. И. Гордеев, указ. раб., стр. 9.

¹³ Y. Wichmann, Etymologisches aus den permischen sprachen. — FUF XIV 1914, стр. 92.

¹⁴ E. N. Setälä, Über art, umfang und alter des stufenwechsels im finnisch-ugrischen und samojedischen. — FUFAnz. XII 1912, стр. 44. По свидетельству Н. М. Терещенко, это слово в современном ненецком языке звучит как *мяд* 'чум' (Н. М. Терещенко, Материалы и исследования по языку ненцев, Москва—Ленинград 1956, стр. 38).

латку, чум', через промежуточное значение 'близко, вблизи' на почве марийского языка вполне могла иметь место. Об этом в определенной мере свидетельствует и значение, выражаемое суффиксом *-mât*.

В связи с этим уместно отметить, что, возможно, *-mât* в более ранние времена был суффиксом собирательности и его употребление не было ограничено терминами родства и собственными именами людей. Со временем из значения собирательности развилось значение собирательной множественности и этот суффикс в некоторых говорах марийского языка, в том числе на основной территории распространения волжского говора, ограничил сферу своего употребления существительными, обозначающими членов семьи, родственников и собственные имена людей. В других же диалектах, в том числе и кокшамарском говоре, наоборот, сфера употребления этого суффикса расширилась и он стал употребляться для выражения множественного числа всех без исключения существительных.

Древние финно-угорские показатели множественного числа *t, j, k, n* в сфере имен в марийском языке почти не прослеживаются, не участвовали они также в образовании вторичных суффиксов множественного числа. Однако есть основание предполагать, что финно-угорский суффикс *t* участвовал в образовании множественного числа имен, ибо в современном марийском языке сохраняются косвенные следы былого наличия общефинно-угорского показателя множественного числа *t*. Это глаглы 3-го лица множественного числа (*ko-dât* 'остаются', *bozu-t* 'пишут'), которые, как известно, возникли на основе сказуемого употребления отглагольного имени. Однако в какой-то период существования марийского языка суффикс множественного числа *t* по неизвестной пока причине заменился новыми.

G. I. LAVRENTJEV (Glazov)

THE CATEGORY OF NUMBER OF NOUNS IN THE VOLGA DIALECT OF THE MARI LANGUAGE

In the Volga Dialect the plural is formed by the inflection *-ša-mâč*, *-la*, *-mât*, *-št*, and there are some territorial and genre peculiarities.

Over the whole area of the dialect in all the styles of speech we very often find *-ša-mâč* which expresses the plurality of homogeneous things: *ka-jâkšamâč* 'birds', *paše-ŋgâšamâč* 'trees'.

The suffix *-la* is used in the case of nouns with a special meaning and on the whole territory of the dialect it also expresses the plurality of homogeneous things: *mâ-jân kâ-dâse d'âždŋla-m*, *lula-m košta* 'I have pains in my joints, bones of the hands'.

The suffix *-mât* is used with nouns denoting members of the family, relatives and with proper names, but in the dialects of the villages of Kokšamary and Sidelnikovo this suffix is used with all nouns without exception: *aka-mât paša-š kaje-βe* 'The elder sister and those who were with her went to work', *â-mâimât čat kuða-iât* 'Horses run quickly'.

In folklore the suffix *-št* is used to express the plural. From the point of view of its origin this is the possessive suffix of the 3rd p. pl.: *kujâža-n ü-dârâšt ola-t salda-klan* 'The tsar's daughters say to the soldier'.

The suffix *-ša-mâč* has been borrowed from the Iranian languages and the suffix *-mât* is of Uralic origin.